

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Серия «Геогархеология. Этнология. Антропология»

2017. Т. 19. С. 129–150

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

УДК 39(571.54)

Исторический Баргуджин-Токум – исконная родина бурятского народа *

П. Б. Коновалов, Д. В. Цыбикдоржиев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Аннотация. Представлена реконструкция исторических процессов периода средневековья (VI–XVI вв.) в Байкальском регионе, приведших к образованию этнокультурной ойкумены, которая со стороны монголов царского рода, создателей Великой империи, получила наименование Баргуджин-Токум. Воссоздана хронология исторических процессов и событий межэтнических брачных связей хори-баргутов и монголов, предопределивших возникновение этносоциального понятия «родственный Баргуджин-Токум». Предпринята попытка определиться в вопросах идентификации этнокультурного субстрата, тюрко-монгольского по своему составу, на базе которого образовалось раннебурятское этническое сообщество. Дается историко-хроникальное обоснование устной народной генеалогии бурятского этноса, впервые предлагается новая версия происхождения одной из ее ветвей, ранее называемой олетско-ойратской.

Ключевые слова. Баргуджин-Токум, баргу-буряты, хори-буряты, ойраты, зунгары, монголы, брачное родство, генетическое родство.

Введение

Баргуджин-Токум (или Тукум)¹ – хорошо известная в монголо- и бурятоведческой литературе и фольклоре, в какой-то степени полулегендарная «страна» или «земля». Иначе говоря, это этноисторическая область в северной части монгольской метаэтнической общности, пребывавшая в Средние века на стадии сложения в этническую целостность вокруг Байкала, исконная древняя родина бурят, будущая этническая (или этнографическая) Бурятия.

К истории земли Баргуджин-Токум восходит легендарная этническая генеалогия бурятского народа, во главу которой возведен эпоним «Баргу-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

¹ В литературе используются два варианта транслитерации второй части этого названия – Токум или Тукум. Первый вариант идет из самых ранних исторических источников: «Сокровенного сказания» монголов (в латин. транскр. «Токум») [1990] и «Сборника летописей» Рашид-ад-дина [1952]; второй вариант появился в «Алтан-тобчи» Лубсан Данзана (в рус. транскр. «Түкүм») [1973]. В дальнейшем стали использоваться оба варианта: в современной монг. литературе «Төхөм/Төхүм», в рус. яз. – «Токум/Тукум», в бур. яз. – «Түхүм (<Түкүм»).

дай-мэргэн», олицетворяющий этноним «баргу» (мн. ч. «баргуд/т»), от которого и происходит название «Баргуджин». Ветви этой генеалогии – эпонимы «Бурядай», «Хоридой» и «Оледой» – персонифицируют, соответственно, баргу-бурятский, хори-бурятский и ойрат-бурятский племенные компоненты. Первому автору данной статьи приходилось обращаться к этнической генеалогии бурят [Коновалов, 2009, 2010], рассматривать историко-археологические данные для ее обоснования и проводить этимологический анализ антропонимов и этнонимов. Однако даже по результатам этих исследований, где отмечалась все еще недостаточная разработанность темы в целом, очевидная неясность этнических процессов в регионе, особенно по части так называемой ойратской составляющей (ветви) бурятской генеалогии, было ясно, что к теме придется возвращаться, возможно, еще не раз. Также и соавтор в статье о ранних и поздних ойратах затрагивал проблему причастности/непричастности джунгарских ойратов к истории бурят и констатировал противоречивость толкования состава ойратских этносов вообще и так называемой зунгарской прибайкальской группы племен, участвовавших в этногенезе бурят, в частности [Цыбикдоржиев, 2012]. Эту группу Б. З. Нанзатов [2005] назвал «малыми племенами» бурятского народа, но об их происхождении ни им, ни авторами настоящей работы не было сделано однозначных выводов, кроме гипотетического тезиса о некоей «альтернативной прибайкальской Зунгарии» [Цыбикдоржиев, 2012], в отличие от также малопонятной роли центральноазиатской ханской Джунгарии XVII–XVIII вв. в этнической истории бурят.

В настоящей статье ставятся следующие задачи: 1) дать историко-хронологическое обоснование устной народной генеалогии бурятского этноса, завязанной на Баргуджин-Токумской ойкумене; 2) рассмотреть по письменно-историческим источникам этнические процессы периода средневековья (VI–XVI вв.) в Байкальском регионе, определиться в вопросах этнокультурного субстрата будущего баргуджин-токумского сообщества; 3) реконструировать хронологию исторических событий и легендарных персонажей бурятской этнической генеалогии; 4) уделить особое внимание состоянию неопределенности и противоречивости существующих представлений об ойратско-джунгарском/зунгарском компоненте в этнической генеалогии бурят и изыскать новые возможности решения этого вопроса.

Баргуджин-Токум и царские монголы

Древняя ойкумена под названием Баргуджин-Токум известна из самых ранних письменно-исторических памятников монгольской истории – «Сокровенного сказания монголов» анонимного автора (1240 г.) [1990] и «Сборника летописей» Рашид-ад-дина, официального историка и государственного деятеля на службе монгольских ильханов (1304 г.) [Рашид-ад-дин, 1952а, 1952б]. В последнем из этих источников приведены слова особого отношения создателей единого Монгольского государства к земле и людям Баргуджин-Токума, сказанные Чингисханом: «Каждый мальчик, родившийся в местности Баргуджин-Токум, на Ононе и Кэлурэне, будет мужествен-

ным и отважным, сведущим и сметливым [от природы] без наставлений и выучки. И каждая девочка, которая там родится, будет хороша и прекрасна лицом без убранных, причесывания [машаг] и румян и будет безмерно искусна, проворна и добродетельна» [Рашид-ад-дин, 1952б, с. 264]. В чем же основание такого завета великого хана? В том, что эта земля – родина его предков по материнской линии, а Онон и Кэлурэн (Кэрүлэн/Хэрлэн) – родина самого хана, его отцовских предков.

Исторический акт заключения брачного союза царского рода монголов с хори-туматским племенем через женщину из Баргуджин-Токума запечатлен в древнейшем историко-литературном памятнике «Сокровенное сказание монголов» [1990]. Братья Дува-Сохор и Добу-Мэргэн, предки Тэмуджина в 11-м поколении, встретились у горы Бурхан-халдун в верховьях Онона с прикочевавшими туда людьми Хоридой-Мэргэна, предводителя хори-туматского племени. Встреча закончилась тем, что старший брат сосватал младшему приглянувшуюся молодую девицу из походной кибитки кочующих, это была дочь предводителя племени. Так Добу-Мэргэн женился на Алан-Гоа, дочери Хоридой-Мэргэна. А матерью Алан-Гоа была Баргуджин-Гоа – дочь Баргудай-Мэргэна, владельца земли Баргуджин-Токум. Стало быть, состоялось брачное родство царского рода монголов с хори-туматами Баргуджин-Токума [Сокровенное сказание монголов ... , 1990, с. 12–13]. Далее описан следующий эпизод, имеющий отношение к теме. У старшего брата, Дува-Сохора, было четыре сына, которые со временем, после кончины отца, не стали признавать своего дядю Добу-Мэргэна «и всячески понося его, отделились и откочевали. Образовалось особое поколение Дөрбэн. Отсюда-то и пошло четвероплеменье Дөрбэн иргэн» [Там же, с. 13].

Этносоциальная расшифровка персонажей двух эпизодов из «Сокровенного сказания монголов» следующая. Братья Дува-Сохор и Добу-Мэргэн представляют царский род/династию создателей Великого монгольского государства. Баргудай-Мэргэн и его дочь Баргуджин-Гоа олицетворяют племя/племенное объединение баргутов. Хоридой-Мэргэн и его дочь Алан-Гоа олицетворяют племя хори-туматов. Алан-Гоа, ставшая женой Добу-Мэргэна, в лице ее сына Бодончара стала прародительницей рода борджигин и ознаменовала начало нового, божественного, статуса царского рода монголов. Сыновья Дува-Сохора, отделившиеся от царского рода и основавшие племена дөрбэн/дүрбэн (мн. ч. дөрбэт/дүрбэт), называемые ойратами, маркируют событие раскола монголов на две ветви этнополитического развития.

Таким образом, в «Сокровенном сказании монголов» зафиксированы: во-первых, брачное родство монголов с хоринским племенем (стали сватами друг к другу «худа урагууд» – родство не генетическое); во-вторых, брачное же родство хоринцев с баргутами (Хоридой-Мэргэн был женат на Баргуджин-Гоа); в-третьих, генетическое родство царского рода монголов с ойратами (монг. «төрөл нэг(эн)», бур. «түрэл нэгэ(н)» – «единородные»). Таковы родственные связи монголов, ойрат-монголов, бурят-монголов, баргубурят, хори-бурят в системе общемонгольской генеалогии. На этом фоне земля/страна Баргуджин-Токум как родина матрилинейных предков (монг.

«*төрхөм~ төрхэм*» / бур. «*турхэм*») царской династии монголов стала объектом их особого почитания, а образовавшийся там народ бурят-монголы, в свою очередь, нарек род Чингисхана «золотой родней» – «Алтан ураг».

В связи со сказанным о родстве монголов с этносами земли баргутов, или Баргутского края, важно определиться во взгляде на происхождение ее названия, которое кажется несколько загадочным и трактуется по-разному. Словосочетание «Баргуджин-Токум» представляется нам не просто топонимом, в его этимологии раскрывается, как увидим далее, социально-историческое и/или этносоциальное понятие об этой исторической области. Первая часть топонима состоит из этнонима «*Баргу*» + (*д*)*жин*» (суффикс, маркирующий субъект женского рода, т. е. женщину племени Баргу) и связана с именем (антропонимом) Баргуджин-Гоа – дочери Баргудай-Мэргэна и матери Алан-Гоа, ставшей невестой царского рода монголов. Кстати, добавим, в имени Баргудай суффикс *-дай* маркирует субъект мужского рода и принадлежность племени, то же самое «*-дой*» – в именах Хоридой и Олидой. Вторая часть названия – «Токум» (транскрипция С. А. Козина «Tokum» в «Сокровенном сказании» [1941] и транскрипция Н. П. Шастиной «Түхүм» в «Алтан-тобчи» Лубсан Данзана [1973]) по современной орфографии может передаваться соответственно в формах «төхөм» и «түхүм», которые обычно переводятся некоторыми авторами как «котловина, низина», вместе с прилагательным – «Баргуджинская котловина/долина». Однако такое сужение географического значения этого названия и сведение его только к топонимическому смыслу вызывает сомнение. Хотя возможно и такое рассуждение: в начале X в. владения Баргудай-Мэргэна были, как мы полагаем, потеснены киданями к Байкалу и за Байкал (о чем подробнее будет сказано ниже), и Баргузинская долина могла стать средоточием баргутов, а породнившиеся с ними монголы могли называть ее «Kol-Bargujin-tokum» (транскрипция С. А. Козина [1941, с. 203]). В этом словосочетании ст.-пис. монг. «*кол*» должно транскрибироваться как «*хол*» (на совр. монг. языках «хол(о)» – «далеко/далекий», т. е. «Далекий Баргуджин-Тукум»). Так вполне логично читается этот топоним в переводах на монгольский и бурятский языки. Существуют и другие варианты перевода, которые рассмотрел Б. Р. Зориктуев, но предложил свою версию – допустил, что «кол» значит «центр/центральный», поэтому в локализации Баргуджин-Тукума акцент он делает на Забайкалье, хотя в целом видит его по обе стороны Байкала [Зориктуев, 2011, с. 132].

Локализация по обе стороны Байкала хорошо согласуется с тем, что по описанию Рашид-ад-дина эта страна представляется очень обширной, большая часть которой приходится на западную сторону Байкала (что будет видно из дальнейшего изложения). Однако Т. Д. Скрынникова [1993], отдавая предпочтение транскрипции И. Рахевильтца «*köl-barqujin-tögüm*», слово «*köl*» читает как «куль» – «озеро», а сочетание «куль баргу» переводит как «приозерные баргу», подразумевая околобайкальских, сведя их территорию к Баргузинской долине, хотя, заметим, справедливо считая ее частью земель

баргу². Но главное, что заставляет сомневаться в чисто топонимическом значении названия «Баргуджин-Токум», – это этимология (смысл) его первой части. В этой связи стоит обратить внимание на следующие термины родства: монг. *«төрхэм»* – «родня замужней женщины» [Монгол-орос толь, 1957, с. 419] и бур. *«түрхэм»* – «родные, родственники жены» [Черемисов, 1973, с. 447]. Видный бурятский лингвист Т. А. Бертагаев [1958, с. 173–174] рассматривал термины *«түхүм»* в топониме «Баргуджин-Токум/Тукум» и *«түрхэм»* в бурятском словаре как разночтения, в чем мы солидарны с ним. Сошлемся также на мнение монголоведа-академика Б. Я. Владимирцова о том, что родственники по жене называются *«төркүд»* и их принято было величать сватами «худа – сват» [Рашид-ад-дин, 1952а, с. 104, прим. 4]. Не эти ли варианты одного и того же понятия транскрибированы в искаженных формах С. А. Козиным (*«токум»* вместо *«төрхэм/төрхүм»*) и В. П. Шастиной (*«түкүм»* вместо *«түрхэм»*)?

Таким образом, мы считаем возможным высказать иную версию этимологии названия «Баргуджин-Токум»: вместо Баргузинской котловины/долины подразумевать «Баргутскую родню праматери царского рода монголов», или «Землю баргутских родичей», т. е. понимать этот топоним в этносоциально-историческом значении. Подобное же соображение Т. Д. Скрынникова аргументирует тем, что слово «токум/тухум» переводится с иранских языков как «семя», и некоторые его формы «выражают ...единство происхождения или родственную близость» [1993, с. 47]. По этим основаниям она квалифицирует наименование «Баргуджин-Токум» как «этнотопоним (или генотопоним, поскольку “токум” в значении линиджа был лишь частью этноса)» [Там же, с. 48].

Теперь остановимся на сюжете, связанном с отделением племени дөрбэн/дурбэн от царского рода монголов. Рашид-ад-дин появление дурбэнов/ойратов относит к более раннему времени: связывает их с сыновьями Тамач-хана – третьего по порядку предка в родословном древе царского рода Чингисхана. У Тамач-хана было пять сыновей, из которых старший – Хоричар-Мэргэн – стал преемником отца, продолжателем царского рода. Остальные четыре сына отделились, «пожелали уйти... в другие области. Говорят, что племя дурбан (“дөрбэн” – “четыре”) происходит из их рода...» [1952б, с. 9]. Хоричар жил на шесть поколений раньше Добу-Мэргэна, что приходится на первую половину IX в. (подробнее о датировке персонажей родословной таблицы и событий см. ниже). Ни в «Сокровенном сказании», ни в «Сборнике летописей» не объясняются мотивы, по которым сыновья Дува-Сохора отделились от своего дяди Добу-Мэргэна, а сыновья Хоричара – от старшего своего брата. Впрочем, совершенно ясно, что в обоих источниках в семейно-родственных конфликтах зашифрован исторический процесс (или акт) обособления генеалогии династийного рода монголов-

² Перевод Т. Д. Скрынниковой не вызывает сомнения в отличие от спорного допущения Б. Р. Зориктуева, что «кол → гол». Наша версия «кол → хол» может составить альтернативу переводу Т. Д. Скрынниковой «köl → озеро», но эти варианты зависят от разницы в транскрипциях С. А. Козина и И. Рахевильтца.

нирунов и остальных монголов-дарлекинов, из которых впоследствии выделилась западная группа ойрат-монголов. И что примечательно, у обоих источников в этой шифровке есть неслучайный, на наш взгляд, общий момент, связанный с племенем *хор/хори*: это Алан-Гоа – дочь Хоридой-Мэргэна и Хоричар-Мэргэн – персонаж из царского родословия. В имени последнего вторая часть «-чар» встречается во многих именах X–XIII вв. (например, Тохучар, Бодончар и др.), что позволяет уверенно вычленить в нем этнонимическую основу хор/хори. Через это мы можем прийти к важной мысли о системе родства среди (внутри) монгольской этнической общности в целом и роли этноса хор в частности. Вне зависимости от установления времени, к которому относится отделение дурбэнов, можно предполагать, что монголы времен написания «Сокровенного сказания» и «Сборника летописей» так или иначе связывали начало этногенеза дурбэнов с событиями, в которых фигурировали представители этноса *хори*. И привязка таких событий то к Хоричару (IX в.), то к Алан-Гоа – хоринской принцессе (середина X в.) могла означать, что в генеалогической памяти монголов зафиксировано неоднократное пришествие (внедрение) к ним людей из хори-туматских земель³.

Такова дополнительная интрига в этнических и социо-политических процессах, связанных с отношениями монголов с населением Баргуджин-Токумского края. Как бы то ни было, во всей этой истории родства монгольских народов нас интересует историческая ойкумена Баргуджин-Тукум/Хол Баргуджин-Тукум и ее обитатели, прежде всего персонаж Баргудай-Мэргэн, возведенный во главу бурятского родословия. Какие времена и места, какие исторические события отражены в этом персонаже? Таким образом, здесь пора представить фольклорную генеалогию бурятского народа.

Легендарная народная генеалогия бурят

В 1920-х гг. ориенталист О. М. Ковалевский записал у забайкальских бурят предание, по которому предок современных бурят и олетов монголо-туметский батур Баргу перекочевал откуда-то с юго-запада на южный берег Байкала и здесь поселился. Под старость Баргу-батур разделил свои владения между тремя сыновьями – Оледаем, Бурядаем и Хоридаем. Старшему сыну Оледаю он отдал свои западные владения, и тот поселился в степи Гоби и стал родоначальником олюдов (олетов, или ойратов), кочевавших в Монголии и Туркестане. Второй сын Бурядай получил все отцовские кочевья и стада. Младший сын Хоридай получил в наследство горно-лесистые места, где он мог заниматься охотой и звероловством. От Бурядая произошли северобайкальские и баргузинские буряты, т. е. эхириты и булагаты, а от Хоридае – хоринцы [Ковалевский, 1929; Румянцев, 1962, с. 164].

Вариант той же легенды в записях М. Н. Хангалова [1960, с. 107–109], сделанных ближе к концу XIX в., гласит (изложение не дословное, с комментариями. – П. К., Д. Ц.), что, по преданиям кудинских бурят, родона-

³ Сам Хоричар не обязательно должен был быть хори-туматом, хотя напрашивается именно такая трактовка (?), просто историческое предание сохраняло факты ранних контактов племен *чино* с этносом *хори*, что и было зашифровано составителями «Сокровенного сказания» в имени Хоричар.

чальником бурят был Баргу-батур, который жил около Тобольска и имел трех сыновей; старшего звали Илюдэр-Тургэн, среднего – Гур-Бурят, младшего – Хоридой-Мэргэн. Впоследствии Баргу-батур с Гур-Бурятом и Хоридой-Мэргэном двинулся на восток, а старшего сына оставил в Тобольске, сказав ему: «Ты будешь царем здешних мест! Твое счастье – на старом месте». Илюдэр-Тургэн там и остался, от него произошли нынешние калмыки (ушедшие в низовья Волги ойраты. – *П. К., Д. Ц.*). Некоторые потомки Илюдэр-Тургэна пришли потом и на восток; по крайней мере, бурятские роды Балаганского ведомства, зунгарский и икинатский, считаются из племени калмыков – по-бурятски «өлөд» или «сэгэнуд» (из них собирательное название «өлөд», или «олёд/олюд», относится к ойратам, олицетворенным в имени Илюдэр. – *П. К., Д. Ц.*).

Баргу-батур с двумя младшими сыновьями прибыл в нынешнюю Иркутскую губернию и остановился в Тункинском ведомстве, там оставил своего среднего сына Гур-Бурята, сказав ему: «Ты будешь царем этой местности! Твое счастье здесь». Гур-Бурят остался в Тунке. От него произошли северобайкальские буряты, принадлежащие к племенам эхирит и булагат, т. е. тункинские, китойские, аларские, балаганские, идинские, кудинские, верхоленские, ольхонские и ленские буряты.

С младшим сыном Хоридоем Баргу-батур направился на север по р. Лене, в тогдашнюю Якутскую область, оставил его там, сказав те же самые слова. В каком именно месте остановился, предание не указывает. Сам он вернулся обратно в Иркутскую губернию. Умер Баргу-батур, по одним сведениям, на о. Ольхон, по другим – ниже Иркутска по р. Ангаре. Оставшийся в Якутии Хоридой прожил там некоторое время, женился «на дочери неба», но вскоре вернулся, переправился за Байкал и поселился там. «Потомками Хоридой-мэргэна считаются хоринские буряты на южной стороне Байкала и племена хангинцы и шараты – на северной» [Хангалов, 1960, с. 107–109].

Итак, Баргудай-Мэргэн/Баргу-батур – олицетворение/персонификация племени баргу/барга – стоит во главе легендарной генеалогии бурят. Старший сын Оледой олицетворяет олетское/ойратское племя. Младший сын Хоридой олицетворяет племя хори. Средний сын Бурядай возведен во главу отцовского племени барга/баргу и тем самым персонифицирует собой основную/коренную часть бурятского народа. Такова легендарная родословная бурят, отражающая, как видим, не только бурятскую, но и более широкую ойратско-бурятскую общность. Попытаемся объяснить эту генеалогию путем ретроспекции с помощью письменных исторических источников.

Историко-хронологическая база данных

Рассмотрим вопросы о временах и событиях, к которым восходит генеалогическое сознание народа. Важнейшее звено на пути решения вопроса мы находим, обратившись к общемонгольским историческим источникам – «Сокровенному сказанию монголов» и «Сборнику летописей». Выше уже изложены эпизоды пересечения генеалогии царского рода монголов с хори-

баргутской племенной общностью и отделения от него ойрато-олетской этнической ветви. Временные ориентиры этих событий более или менее точно могут опираться на хронологию царской родословной, составленную Х. Пэрлээ [1956], П. Б. Балданжаповым [1970] и Л. Билэгтом [1995] на основе прямых и косвенных указаний (по 12-летнему календарю животного цикла) в исторических сочинениях «Сборник летописей», «Алтан тобчи» Мэргэн Гэгэна, «Болор толи», «Шара туджи» и др. Л. Билэгтом выстроена хронологическая таблица всей родословной царского рода [1995, с. 105] от Буртэ-чино (год рождения 758-й) до Тэмуджина (Чингисхана, год рождения 1162-й). Из промежуточных дат мы фиксируем годы Добун-Мэргэна (944 г.) и его сына Бодончара (970 г.). Они указывают нам период жизни братьев царского рода приблизительно от середины до 2-й половины X в. – время, когда появилась нирунская ветвь, начиная с поколения Бодончара, и произошло отделение от него дурбэнов, двоюродных братьев последнего, основателей поколения олетов⁴. Но X в. – это время, когда монголам была известна земля/страна, получившая от них наименование «Баргуджин-Тукум» – владение Баргудай-Мэргэна, деда Алан-Гоа, т. е. время уже сложившейся историко-географической ойкумены, а не начала ее истории. Каково же историческое прошлое этого ойконима – Земли баргутов?

Следует обратиться к более ранним временам – тюркскому периоду (VI–IX вв.) – и рассмотреть древнетюркские памятники рунической письменности. На памятнике Кюль-Тегину (Второй Тюркский каганат, 732 г.) о его боевых походах написано: «Налево я прошел... (на север. – П. К., Д. Ц.) до страны Йир-Байырку...». В большой надписи читаем: «...то войско мы там уничтожили. После этого Великий иркин племени Йэр-Байырку стал нам врагом; мы их, рассеяв, разбили при озере Тюрги-Яргун. Великий иркин бежал с немногими мужами» [Малов, 1951]. А вот что говорится в «Тан шу». В «Повествовании о Доме хойху» (Уйгурский каганат) среди 15 основных крупных племен теле значится поколение (племя) байегу. Обычаи его большей частью сходились с телескими, в речи была небольшая разница. Байегу жили рассеянно по северной стороне Великой песчаной степи, занимали около тысячи ли пространства, на востоке кочевали в смежности с Мохэ. Имели до 60 тыс. кибиток, войска 10 тыс. человек. Телеские племена считались подданными Дома тукюэ, и тукюэсы «их силами геройствовали в пустынях севера». Но временами теле, составив коалиции некоторых сильных племен, среди которых всегда были байегу, то восставали, то покорялись. В конце концов, телесы победили тукюэсов и установили свой каганат Дома хойху (745–840 гг.) [Бичурин, 1950, с. 301–302].

В тексте памятника Кюль-Тегину нужно обратить внимание на следующее: «Йир», или «Йэр», – это тюркоязычное слово «Земля», «Йер-Байырку» – «Земля Байырку», а титул «Иркин» (монголоязычный – «erkin»)

⁴ Выше нами отмечено, что время отделения олетско-ойратской группы приходится либо на первую половину IX в. (если связать с сыновьями Хоричара), либо на 2-ю половину X в. (связано с сыновьями Дува-Сохора). Это разночтение так и остается исторической загадкой, объяснить которую можно только предположительно (см. ниже).

означает «главный». Из текстов же обоих источников о байырку тукюэ-тюркского периода и байегу теле уйгурского периода совершенно очевидно, что земля Йер-Байырку тюркского периода приблизительно с середины X в. (времени Алан-Гоа и Бодончара) стала царскими монголами именоваться Баргуджин-Токум, т. е. родиной матрилинейных предков.

По вопросу локализации Баргуджин-Токума существуют самые разные мнения, в том числе ограничивающие его лишь пределами долины р. Баргузин со ссылкой на «Сокровенное сказание» [1990, с. 39], где говорится о бегстве разгромленных меркитов вниз по р. Селенге в «страну Баргуджинскую». Но страна эта не обязательно может быть привязана к одной только р. Баргузин, название которой, исходя из исторического контекста, является вторичным по отношению к этнониму «Баргу».

Следует рассмотреть письменные источники о территории обитания будущих баргутов < байырку/байегу. Согласно показаниям древнетюркских и древнекитайских источников (см. выше: байегу обитали рассеянно по северной стороне Великой песчаной степи, от племени пугу до мохэ, а Кюль-Тегин походом прошел налево до Йер-Байырку) ареал расселения этой крупной племенной общности представляется примерно по северу Монголии и югу Забайкалья, от низовьев рек Толы и Селенги до Далай-нура и Аргуни. Полагаем, что позднее, в связи с «киданьским натиском», ареал байегу/баргутов был стеснен и сдвинут, а в дальнейшем расширен с переходом на западную сторону Байкала, и его местоположение стало осмысливаться по обе стороны озера, даже преимущественно как Предбайкалье. Об этом говорит этническая ситуация, представленная в тех же источниках – «Сокровенном сказании монголов» и «Сборнике летописей».

Об основных обитателях Баргуджин-Токума Рашид-ад-дин пишет: «Племена баргут, кори и тулас; племя тумат также ответвилось от них. Эти племена близки друг с другом. Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища [находятся] на той стороне реки Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум... В тех пределах сидело множество [других] племен: ойрат, булагачин, кэрэмучин и другое племя, которое называют хойин-урянка, – также было близко к этим границам» [1952а, с. 121]. Каждое племя имело начальника и предводителя, племя тулас является ветвью баргутов, туматы поблизости Баргуджин-Токума также ответвились от родственников, и ветви баргутов и жили в пределах страны киргизов, были чрезвычайно воинственным племенем и войском [Там же, с. 122].

«Племена булагачин и кэрэмучин... обитали в пределах [той же местности] Баргуджин-Токум и у самого края страны киргизов. Они были близки друг к другу... Племена урасут, теленгут и куштеми. Эти племена подобны монголам... Их также называют лесным племенем, потому что обитают по лесам в пределах страны киргизов и кэм-кэмджиутов... по ту сторону киргизов» [Рашид-ад-дин, 1952а, с. 122–123]. «Племя лесных урянкатов. Это племя не принадлежит к другим урянкатам (т. е. степным. – П. К., Д. Ц.), ...они не имели ни палаток, ни шатров, ...у них не было быков и баранов;

вместо них... выращивали горных быков, горных баранов... Во время перекочевков они грузили поклажу на горных быков и никогда не выходили из лесов» [Там же, с. 123–124].

Все описанные Рашид-ад-дином этносы относятся к категории лесных народов, но не все они монгольского происхождения. Автор пишет: «Монголы из лесного племени многочисленны, и людей [посторонних] они [своим разнообразием] вводили в заблуждение, потому что всякое племя, у которого юрты были [расположены] по лесистым местам, называли лесным племенем... и племя тайджиут было лесным вследствие того, что их стоянки были между страной монголов, киргизов и баргутов» [Там же, с. 123]. Приуроченная к Баргуджин-Тукуму этническая ситуация заставляет задуматься, в первую очередь, о расширительном понимании этой страны, относительности и нестабильности территориальных разграничений между баргутами, ойратами, киргизами и монголами периода формирования монгольского суперэтноса (метаэтноса) и, в особенности, о роли ойратской составляющей в этнической генеалогии бурят-монголов.

Тем не менее из «Сборника летописей» в целом ясно, в какой этнической обстановке в рамках Баргуджин-Тукума и в какие времена, еще до образования Великого монгольского государства, складывались предпосылки будущего генеалогического древа бурятского народа. В самом начале повествования о населении Баргуджин-Тукума указаны основные этносы – баргут, кори, тулас и др., близкие с ними, а также друг с другом, названы также «ответвившимися и подобными монголам». Из них первые два этнонима – «баргут» и «кори» – непосредственно входят в родословную схему в форме эпонимов «Баргудай» и «Хоридой». А как быть с эпонимом «Оледой», в котором персонифицирован этноним «олёд/олёт», не упоминавшийся Рашид-ад-дином? Между тем считается аксиомой, что к олетско-ойратскому ответвлению западных монголов Центральной Азии и Южной Сибири восходит этногенез калмыков. В частности, калмыцкий историк У. Э. Эрдниев [1980] видит следующую картину расселения ойратов и других монгольских племен на рубеже XII–XIII вв.: значительная часть Прибайкалья, бассейн р. Селенги, долина р. Ангары, верховья р. Лены, северо-восток оз. Байкал, верховья р. Енисей – т. е. лесные районы, межгорные долины и степи на северо-восток от Танну-ола и Саян.

Этническая ситуация в ойратском ареале

Вопросы этнического родства бурят и калмыков мало разработаны, нуждаются в специальном, более подробном, исследовании. Мы попытаемся далее рассмотреть происхождение и значение этнонима «олёт», который связывает эти народы. Сначала определимся с племенем дөрбэн/дурбэн, с которого началась история ойратов. Из исторических сочинений XVII в. видно, что дөрбэн ойрад/дөрбэны были древними монгольскими племенами, которых «Сокровенное сказание монголов» считает потомками сыновей Дува-Сохора, а «Сборник летописей» – потомками Хоричар-Мэргэна. Время жизни тех и других расходится на шесть поколений, что не имеет принци-

пиального значения, а может говорить лишь о длительности (постепенности) процесса обособления ойратской группы монголов. Д. Гонгор, ссылаясь на «Сборник летописей», указывает, что дурбэны относились к числу коренных монгольских племен и в конце XII в. все еще кочевали в Голунулусе – «Уделе Центра» (Центральном улусе. – П. К., Д. Ц.) [Гонгор, 1970, с. 60–62].

Монгольские и собственно ойратские (калмыцкие историко-литературные памятники) источники содержат отрывочные и противоречивые сведения об этническом составе. Этноним «олёт/элёт» появился в монгольских исторических сочинениях лишь с XVII в. Так, в «Алтан тобчи» Лубсан Данзана утверждается, что в период до XVII в. *өгэлэты* – один из четырех тумэнов, наряду с ойратами, багатутами и хойтами [Лубсан Данзан, 1973, с. 261]. Из «Шара туджи» можно понять, что под именем *Огулет* подразумеваются «так называемые Дурбэн ойрат – Харият, один из них Огулет... один из них хошут, торгут, джунгар и дэрбэт, четверо, соединившихся в одно»; в то же время в этой четверке названы барагу, багатуд, хойты [Шара-туджи ... , 1957, с. 159]. При этом «Шара туджи» и «Алтан тобчи» ничего не сообщают о происхождении элетов. Зато в «Эрдэнийн тобчи» Саган-Сэцэна говорится, что четыре ойратских племени – огэлэд, багатуд, хойт и кэргуд – ведут свое происхождение от Дува-Сохора, потомка легендарных прародителей монголов Бортэ-чино и Гоа-марал. У него было четыре сына – Доной, Докшин, Эмнэг и Эркэ, ставшие родоначальниками четырех ойратских племен [Санчилов, 1990, с. 52]. В «Алтан тобчи» Мэргэн Гэгэна пишется, что «потомки этих четырех есть среди Дорбен ойратов» [Балданжапов, 1970, с. 137]. Монгольский этнограф Х. Нямбуу вносит важное уточнение – приводит легенду из ойратских источников о том, что олеты были потомками старшего сына Дува-Сохора, т. е. Доноя; баатуды/багатуды произошли от второго сына, Докшина; хойты – от третьего сына, Эмгэна/Эмнэга; потомками четвертого сына, Эрхэ, были хэргиты [Нямбуу, 1990, с. 13]. В. П. Санчилов пришел к выводу, что до XVI в. элеты были одной из этнических групп в составе дурбэн-ойратов, в сочинениях XVII–XVIII вв. их имя присутствует среди разного меняющегося состава ойратских этнонимов; в то же время он заключает: наименования «элэт» («*ögeled*») и «дөрбөн-ойрат» («*dörben ойрад*») употреблялись в качестве общевидового термина для обозначения ойратов вообще, в отличие от родовых обозначений, таких как «джунгар», «дэрбэт», «хошоут», «хойт», «торгоут», прилагавшихся к отдельным этническим компонентам в составе ойратов. В этот период все названные роды и племена оказались поглощенными и растворившимися в составе пришедшей им на смену ойратской народности [Санчилов, 1990, с. 45–46, 51–53].

Вместе с тем в военно-политической истории монголов собирательное название «*ойраты*» оказалось заслоненным термином «*джунгары*», имеющим административно-географический (политический) смысл. Происхождение термина «джунгар» объясняется следующим образом. С древнейших времен до XIV–XVI вв. в различных государственных образованиях мон-

гольских народов существовала военная организация традиционного типа – деление войска на левое и правое крылья, а также центр. Ойраты, будучи сами правым крылом монгольского войска, имели свою отдельную войсковую триадную организацию, а те ойраты, которые составляли левое крыло, стали называться джунгарами (зунгары). Впоследствии, с разгромом и истреблением джунгаров маньчжурами, исчезло и их имя как компонент ойратской общности [Там же, с. 56–57].

Как видно, описанная сложная, растянутая на многие столетия этническая ситуация не дает конкретных исторических свидетельств в поисках ойратско-олетской ветви бурятской генеалогии, кроме легендарных представлений некоторых бурятских родов и племен олетской группы о своем «выходе и пришествии» из Западной Монголии, причем во времена ойратско-халха-монгольских войн XVII в. Потому уместно обратиться к анализу бурятских летописных и фольклорных данных об этнических процессах в Баргуджин-Токуме.

Этническая ситуация в Баргуджин-Токуме

Олетская ветвь бурятской генеалогии представлена многочисленными родо-племенными этнонимами – «сэгэнут», «ноёт», «икинат», «букот», «зунгар», «барунгар», «шарнут», «хойхо» и др. Эту группу Б. З. Нанзатов назвал «этнонимами малых племен» бурятского народа [2005]. Из-за того, что получило широкое распространение понимание этнонимов «олеты» и «ойраты» как синонимичных, могущих заменять друг друга, такое толкование ставит в затруднительное положение исследователя. Вряд ли у кого есть ясное понимание данного вопроса ввиду противоречивых показаний источников и их толкователей.

Среди вышеперечисленных племен и родов первый из них – сэгэнуты (бур. *сэгээнут*), имеющий в народной традиции обобщающий (собирательный) статус, заменяется этнонимом «олёт» (бур. *өөлөд*), превращенным в эпоним «Олёдой». Хотя исследователями и признается, что потомки Олёдой как-то связаны с ойратами и джунгарами (исторической Джунгарией), в фольклоре олетско-сэгэнутской группы родов проступает легендарная, как бы собственная, бурятская Зунгария [Цыбикдоржиев, 2012, с. 127]. В записях, впервые опубликованных в 1890 г., читаем: «Племя элэт (өлөд) или сэгэнут жило прежде на южной стороне Байкала. Оно убило своего военачальника и, боясь наказания, пошло вниз по Селенге, перешло через Байкал и поселилось между кудинскими и верхоленскими бурятами, где оно размножилось...» [Хангалов, 1960, с. 112]. А так как они стали нападать на окружающих бурят из племени булагат, эхирит и других, то были истреблены ими, случайно остались два человека. От одного из них в браке с буряткой из Идинского ведомства произошел зунгарский род, переселившийся в Балаганское ведомство. Потомки второго, женатого на тунгуске из низовья р. Оки, составили икинатский род [Там же, с. 112]. В 1935 г. С. П. Балдаевым был записан такой вариант: «Сэгэнуты жили на южной стороне Байкала. Они убили своего начальника за плохое обращение с ними, перешли

Байкал по льду и поселились совместно с эхиритами и булагатами». Но когда они стали убивать местных бурят, последние пригласили их, напоили пьяными и истребили. Остались в живых только двое, которые были на охоте и приходились друг другу дядей и племянником. Дядя продолжил род сэгэнутов, а от племянника пошел зунгарский род [Балдаев, 1970, с. 316–317].

В одном из преданий многочисленное племя сэгэнут на Верхней Лене считается более ранними, чем эхириты, поселенцами, пришедшими с Алтая. В свое время сэгэнуты делились на несколько ветвей: *мунхалиуд/манхалют, икинад, хайтал, зүүн гар, баруун гар*. Иногда к этому списку добавляют роды *бүхэд, харанууд, шаранууд, боронууд* [Там же, с. 310, 316, 317, 326]. Современные сэгэнуты, как они представляются многим, в том числе и самим носителям этого имени, являются одним разрозненным родом, произошедшим от древнего одноименного племени, которое, по преданиям, было почти уничтожено булагатами и эхиритами.

Отличием бурятских преданий о джунгарах/зунгарах является присутствие мотива о роде *зүүн гар* и *баруун гар* – «левая рука» и «правая рука». Например, есть запись, где говорится: «У одного бурята из кости Сэгэнуд родились два близнеца, которым дали имена: тот мальчик, который вырос на правой руке, будет Барунгар, а тот, который вырос на левой руке, будет Зунгар... Кость Барунгар живет за морем, а потомки Зунгара – нынешние зунгарские буряты. Зунгарские буряты пришли с южной стороны моря...» [Хангалов, 1960, с. 383]. Аналогичный сюжет рассказывает об этих же близнецах и упоминает род барунгар, который живет в Нижнеудинском уезде, но сильно обрусел и страдает малолюдством [Балдаев, 1970, с. 236]. Материалы этнографов разных лет подтверждают эту информацию. В составе нижнеудинских бурят барунгары отмечены неоднократно [Сыденова, 2000, с. 101]. Как видим, бурятская система наименований правой и левой рук лежит в основе появления понятия местной прибайкальской Зунгарии в отличие от Джунгарии исторической (ханства западных ойрат-монголов), происхождение названия которой объясняется иначе, чем в фольклоре прибайкальских бурят-монголов, хотя у обоих в этническом составе фигурируют олеты. Таким образом, в наиболее старых версиях Зунгария – прародина сэгэнутов – находится где-то в бассейне р. Селенги, что, во всяком случае, не является тем местом, где в начале XIII в. жили ойраты Худуха-беки, а в XVII–XVIII вв. существовало Джунгарское ханство.

Кроме того, интересные и важные сведения для понимания олетско-зунгарской проблемы в легендарной генеалогии бурятского народа мы находим в фольклорной традиции хори-бурят. В старых записях генеалогических представлений хори-бурят говорится о том, что изначально у них было 13 родов. Со временем два из них как бы «потерялись», вероятно, во время масштабных миграций хоринского народа; иногда в фольклоре говорится, что два младших сына Хоридоя «умерли в детстве». Однако в летописи Шираб-Нимбу Хобитуева называются имена этих сыновей и основанных ими родов – *qayıtul* и *cingnüt*, указывается, что два рода «перебрались на другую сторону Байкала» и соединились там с бурятами (подразумева-

ются западные буряты, в бур. традиции – северные – «хойто») [Бурядаи ... , 1992, с. 95]. Там действительно имеются роды хайтал и сэгэнут. Это отождествление *singnüt* и сэгэнут – непоздняя версия летописца, передавшего не только давнюю фольклорную традицию, но и письменную (подробнее о чинг(нут) сказано ниже). Кроме того, в одной из версий названия этих родов переданы как «хогодол» и «соргод» [Румянцев, 1962, с. 177]. «Хогодол» вместо «хайтал» может быть вариантом еще более древнего произношения. Бурятский термин «соргод» фактически то же, что и джунгарский «цоргос» (в бур. яз. показатель множественного числа *-с* заменяется на *-д*, а звуки *-ц* и *-ч* в начале и середине слова передаются как *-с* или *-ш*). А термин «цоргос», по анализу А. Очира, в некоторых письменных источниках используется в форме «цорос (чорос)» [1996, с. 5–6]. На этом основании, а также опираясь на легенду о происхождении рода чорос, давшего Джунгарию ее ханскую династию, Д. В. Цыбикдоржиев предложил версию о том, что термин «цоргос» был древней формой этнонима «чорос» [2012, с. 131]. Но возможно и иное объяснение происхождения чоросов. Н. В. Екеев напоминает, что древнетюркское чор/чур – это титул главы племени (приводит примеры из рунических эпитафий VIII–IX вв.: Ынанчи-чур, Кюль-чур, Моюн-чур, Баян-чор, Кутлуг-чор-тегин), с прибавлением аффикса мн. ч. *-ос/ас* термин «наполнился этническим содержанием», точнее, превратился в этноним [Екеев, 2006, с. 140]. Значит, *чор+ос = чорос* переводится как «правители», отсюда племя правителей, правящая династия.

Откуда в бурятских родословных взялось упоминание рода соргод>цоргос>чорос? Это сложный вопрос. Без учета всего бурятского материала о сэгэнутах и племенах всей баргутской общности появление этнонима «соргод» кажется случайностью, а если посмотреть на это с точки зрения наличия целого пласта сюжетов о бурятской Зунгарии/Джунгарии и сэгэнутах-олетах, то решение этого вопроса становится возможным. Предложить такое, пусть гипотетическое, решение проблемы попытаемся на основе следующих данных из общемонгольских и собственно бурятских историко-летописных и устно-фольклорных источников.

В фольклоре мы сталкиваемся с тем, что этноним «соргод» используется, по сути, как синоним этнонима «сэгэнут», а последний, в свою очередь, западными бурятами отождествляется с «өөлөд» – олетами. Но почему-то сэгэнуты не упоминаются в источниках XIII–XIV вв. под нынешним своим наименованием, и этнонима «өөлөд» там тоже нет. Зато в «Сборнике летописей» среди баргуджин-токумских племен присутствует этноним «тулас», причем он назван в числе трех основных – баргу, кори и тулас. С нашей точки зрения, этноним «тулас» не без основания отождествляется с этнонимом «толёс/телес» и в свое время весьма активно использовался в вопросах происхождения этносов Южного и Северного Алтая [Потапов, 1969, с. 157–166; Сатлаев, 1993, с. 141–142]. Л. П. Потапов отмечал, что телесы и туласы монгольских и персидских источников являются предками современных телесов, что термин «тулас» в некоторых мусульманских источниках является синонимом этнонима «телес», и эти же термины лежат в основе само-

названий тюркоязычных телеутов и теленгутов Алтая. Отсюда понятно, что баргуджин-токумских туласов Л. П. Потапов считал тюркским племенем [1969], но данный вопрос неоднозначен и требует специального исследования, так как тюркских компонентов в составе бурятского этноса немало.

В «Сокровенном сказании монголов» в числе покоренных монголами народов в начале XIII в. фигурирует этноним «*Toeles*» (лат. транскрип.) / «*Тоелес*» (рус.) / «*Төөлөс*» (монг.-бур.) [Козин, 1941, с. 293; Сокровенное сказание монголов ... , 1990, с. 118]. Вероятно, искажение термина в тексте «Сборника летописей» можно объяснить тем, что в этом источнике часто не передаются мягкорядные гласные, поэтому мы можем допустить однозначность названий «тулас» и «толёс». Не исключено, что именно так степняки-монголы называли древних сэгэнутов. Возможно, это не самоназвание, а прозвище или какая-то редкая форма этнонима, часто использовавшаяся не самими баргуджинскими племенами, а их соседями – монголами и тюрками. Версия отождествления «тоелёс/тогулес» монгольских памятников с сэгэнутами объясняет отсутствие в источниках этнонимов «сэгэнут» и «өөлөд». Тот факт, что бурятские өөлөд/олёты сами себя чаще называют ветвями древнего племени сэгэнут, а название «өөлөд» является для них вторым, дополнительным, дает основание предполагать (по крайней мере, до появления дополнительных материалов), что оно прежде носило характер экзоэтнонима. Поэтому логичным было бы обратиться к происхождению этнонима «сэгэнут», к поиску его древней формы.

В «Истории одиннадцати хоринских родов бурятского народа» [Бурятские летописи, 1995, с. 36–102] этноним «сэгэнут» передан классическим монгольским письмом в форме «*čingnūt*». Здесь основа *чинг* +(*н*)*ут*, суфф. мн. ч. Известно, что звук *-н* перед *-г* имеет свойство иногда исчезать (что в конечном итоге показал нам и западнобурятский вариант), поэтому уже в Средние века этноним мог произноситься как «чиг(и)». В связи с этим вот какой сюжет можно привести из летописи «Алтан тобчи» Мэргэн Гэгэна: там говорится о военной помощи двух аймаков Баргу и Чике (Чику), оказанной монгольским вождям Начину и Хайду (Хайду – предок Чингисхана в шестом поколении) в борьбе с джалаирами, как эти вожди, будучи «наемными зятьями» у баргутов, остались там в живых, пока джалаиры уничтожали всех подряд в стойбищах монголов на р. Керулене⁵ [Балданжапов, 1970, с. 141]. А этноним «*чике/чику*», мы полагаем, напрямую сопоставим с выведенным нами из фольклорного *čingnūt* = *чиг(u)*; следовательно, чике/чиги – это предки сэгэнутов (*čingnūt*), в те годы еще не перешедшие через Байкал на северо-западную его сторону. Стоит отметить примечательный факт близости и содружества баргу и чике (в борьбе с джалаирами), что подтверждается также близостью между собой баргуджин-токумских баргутов, хори и туласов [Рашид-ад-дин, 1952а, с. 121] и хорошо согласуется с

⁵ Сражения Начина и Хайду с джалаирами происходили на фоне наступления киданей, теснивших последних на земли монголов и баргутов. Географическими ориентирами событий того военного содружества монголов, баргу и чике служат, кроме Керулена, низовья Онона, где Начин поставил становище, и речка Баргу, на которой Хайду устроил плотину и свой курень [Балданжапов, 1970, с. 141; Рашид-ад-дин, 1952б, с. 19].

нашей версией тождества чике/чиков и туласов/толёсов. Имеется возможность приблизительно датировать это событие: по хронологической таблице царского родословия [Билэгт, 1995, с. 105] год рождения Хайду приходится на 1043 г., а значит помогавшие ему баргуты и чики (предполагаемые туласы/сэгэнуты) датируются временем около середины XI в. В связи с этим интересно вернуться к этнонимическим параллелям с Алтай-Саянским регионом: селенгинско-прибайкальские чики/туласы имеют свое соответствие в телеутском/теленгутском сеоке (роде) чигат на Алтае, о котором Л. П. Потапов пишет, что его название содержит в себе древний этноним «чик» с формантом мн. ч. *-(a)t*. Но чики упоминаются также в древнетюркских надписях как обитатели современной Тувы, где они не раз были разгромлены тюркским, затем уйгурским каганами [Потапов, 1969, с. 166–167]. Отсюда часть их могла быть изгнана на Алтай, часть на р. Селенгу – в Южное Прибайкалье.

Тремя поколениями позже снова, примерно в том же районе (к югу и востоку от Байкала, но к западу от ононских монголов), мы находим упоминания событий, которые, возможно, связаны с чики-сэгэнутами. Праправнук Хайду монгольский вождь Хадаан (дядя Есугея, 1-я пол. XII в.), будучи побратимом меркитскому Тудур Бильге-чигину, нанес ему оскорбление, вызвавшее войну, в которой Тудур был убит. Его сын Тохтоа бежал с правым крылом отцовского войска вверх по Селенге. Хадаан захватил левое крыло и центр (зунгар и гол) меркитского войска [Рашид-ад-дин, 1952б, с. 37–40]. Здесь интерес представляет занятное совпадение с преданием сэгэнутского фольклора: зунгар сэгэнутов, живших ранее на южной стороне Байкала (о чем сказано выше), вполне ассоциируется с покинутым беглецами зунгаром меркитов на р. Селенге. Не случился ли в оккупированном левом крыле меркитов «мятеж» с убийством нового военачальника и побегом сэгэнутов через Байкал? Таким образом, цепочка отрывистых сведений из письменных источников и устных преданий вновь и вновь приводит нас к сюжетам о джунгаре, чикэ и баргу. По крайней мере, часть этих свидетельств, скорее всего, является отголоском былого политического союза и этнического родства предков баргутов и сэгэнутов.

Заключение

Мы ограничили наше исследование проблемой историко-хроникального обоснования бурятской этнической генеалогии, уделив должное внимание предпосылкам образования этого этнокультурного анклава на северной периферии монгольского мира, хронологизации и корреляции письменно-исторических и легендарно-фольклорных данных. Особое внимание уделили, впервые в практике исследования бурятской генеалогии, систематизации сведений об ойратских этносах и поискам новых данных для прояснения ранее малопонятной третьей ветви бурятской генеалогии. И все-таки нам удалось найти в общемонгольских и бурятских летописных сочинениях, а также в записях фольклора достаточно достоверный материал, позволяю-

ший предложить новое объяснение олетской ветви, которую можно определить как туласско-сэгэнутскую.

Итак, исторические процессы, приведшие к формированию Баргуджин-Токумской ойкумены, так или иначе были связаны с историей средневековых государственных образований. Племя, возведенное во главу бурятской генеалогии и давшее название этому этническому сообществу на краю монгольского мира, было известно в истории Тюркского каганата как территория «по левую руку» (от направления завоевательных походов Кюль-Тегина) и называлась Йир-Байырку – «Земля Байырку», а при кагане Мочжо ее обитатели оказались в числе девяти восставших племен токуз-огузов, в бою с которыми этот каган был убит.

В истории Уйгурского каганата, в танских хрониках, это племя названо *байегу* и значится в числе 15 крупных племен каганата. Вместе с тем оно входит в число тех же 9 племен токуз-огузов; в этот период территория обитания *байегу* простиралась от рек Толы и Селенги до Аргуни и Буйр-нура.

В дальнейшем, в связи с киданьским завоеванием (X в.), *байегу* были потеснены киданями, шивэями и, возможно, дахэ/дагурами, и область обитания их распространилась на западную сторону Байкала, хотя они не ушли туда все, а закрепились на пространстве примерно от Яблонового хребта до Верхоленья и Приангарья включительно, т. е. в пределах Западного Забайкалья и Предбайкалья. С этого же времени, когда началась тотальная монголизация Центральной Азии, тюркоязычный этноним «байырку» (кит. «байегу») приобретает монголизированную форму «баргу». А когда примерно в середине X в. произошло бракосочетание монгольского царевича Добу-Мэргэна с хори-туматской принцессой Алан-Гоа родом из Земли баргутов, последняя в устах царских монголов стала нарекаться Баргуджин-Токумом, значение этого слова имело, можно сказать, эпический смысл – «Баргуджинская родина праматери царского рода Алтан-уруг».

В датировке событий, связанных с породнением монголов и хори-баргутского племени, а также сведений и событий предшествующего времени, неопределимую помощь оказала хронология родословия царского рода, составленная современными исследователями на основе отдельных хронологических указаний, имеющихся в «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина и «Алтан тобчи» Мэргэн Гэгэна. Имея перед собой сводную таблицу родословной Чингисхана [Билэгт, 1995, с. 105], путем корреляции поколений детей и внуков, отцов и дедов роднящихся сторон (Алан-Гоа и Добу-Мэргэн (род. 944 г.), Хоридой и Боржигидай (925 г.), Баргудай и Хали-харчу (908 г.), Хайду (1043 г.), Бартам-багатур (1109 г.) мы определяем ориентировочное время жизни персонажей бурятского родословия – Баргудая, Хоридоя и Оледоя, олицетворяющих основные племена баргу, хори и олет. Получается период начиная приблизительно от рубежа IX–X вв. до середины XII в., который можно считать для этих этносов золотым веком или звездным часом их бытия (имея в виду родство и взаимодействие с монголами).

Список литературы

- Балдаев С. П.* Родословные предания и легенды бурят / С. П. Балдаев. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. – 363 с.
- Балданжапов П. Б.* Altan tobci. Монгольская летопись XVIII в. / П. Б. Балданжапов. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. – 415 с.
- Бертагаев Т. А.* Об этимологии слов баргуджин, баргут и тукум / Т. А. Бертагаев // Филология и история монгольских народов. – М., 1958. – С. 173–174.
- Билэгт Л.* К вопросу о достоверности родословной Чингис-хана / Л. Билэгт // Археологический судлал. – Улаанбаатар, 1995. – Т. XV. – С. 97–110.
- Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 1. – 471 с.
- Буриадай түүхэ бэшэгүүд* / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1992. – 238 с.
- Бурятские летописи* / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. – Улан-Удэ, 1995. – 197 с.
- Гонгор Д.* Халх товчоон. Халх монголчуудын евэг дээдэс ба халхын хаант улс. XIII–XVII зуун / Д. Гонгор. – Улаанбаатар, 1970. – 1 боть. – 340 с.
- Екеев Н. В.* Этнонимы народов Алтае-Саянского горного района / Н. В. Екеев // Төв Азийн нүүдэлчдийн угсаа-соёл, амьдралын хэв маяг. – Улаанбаатар, 2006. – С. 136–149.
- Зориктуев Б. Р.* Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят / Б. Р. Зориктуев. – М. : Вост. лит., 2011. – 278 с.
- Ковалевский О. М.* О забайкальских бурятах / О. М. Ковалевский // Казан. вестн. – 1929. – Ч. 27. – Кн. 11–12. – С. 160–164.
- Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарий / С. А. Козин. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. – 619 с.
- Коновалов П. Б.* Историко-археологическое обоснование этнической генеалогии бурятского народа / П. Б. Коновалов // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. – Иркутск, 2009. – С. 361–367.
- Коновалов П. Б.* Этническая генеалогия и родоплеменная номенклатура бурят в контексте этногенеза / П. Б. Коновалов // Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье). – Улан-Удэ, 2010. – С. 111–134.
- Лубсан Данзан.* Алтан тобчи («Золотое сказание») / пер. с монг., введ., коммент. и прим. Н. П. Шастиной. – М. : Наука, 1973. – 440 с. – (Памятники письменности Востока ; вып. 10).
- Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования / С. Е. Малов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.
- Монгол-орос толь.* Монгольско-русский словарь / под общ. ред. А. Лувсандэндэва. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. – 715 с.
- Нанзатов Б. З.* Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.) / Б. З. Нанзатов. – Иркутск : Радиан, 2005. – 159 с.
- Нямбуу Х.* Монголын угсаатны зүй / Х. Нямбуу. – Улаанбаатар, 1990. – 200 х.
- Очир А.* О происхождении этнических названий монголов – борджигин, хатагин и цорос / А. Очир // Монголо-бурятские этнонимы. – Улан-Удэ, 1996. – С. 3–8.
- Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев / Л. П. Потапов. – Л. : Наука, 1969. – 196 с.
- Пэрлээ Х.* Монголын туухийн урьд мэдэгдээгүй зарим он цагийн мэдээ / Х. Пэрлээ. – Улаанбаатар, 1956. – 137 с.
- Рашид-ад-дин.* Сборник летописей / пер. с персид. Л. А. Хетагурова, ред. и прим. А. А. Семенова. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952а. – Т. 1, кн. 1. – 221 с.
- Рашид-ад-дин.* Сборник летописей / пер. с персид. О. И. Смирновой, ред. А. А. Семенова. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952б. – Т. 1, кн. 2. – 774 с.

Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят / Г. Н. Румянцев. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1962. – 265 с.

Санчилов В. П. «Илэ́тхэл шастир» как источник по истории ойратов / В. П. Санчилов. – М. : Наука, 1990. – 137 с.

Сатлаев Ф. А. Этническая история алтайцев в средневековье / Ф. А. Сатлаев // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1993. – С. 131–144.

Скрынникова Т. Д. Этнотопоним Баргуджин-Токум / Т. Д. Скрынникова // История и культура народов Центральной Азии. – Улан-Удэ, 1993. – С. 41–49.

Сокровенное сказание монголов / пер. С. А. Козина. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1990. – 316 с.

Сыденова Р. П. Нижнеудинские буряты как этнотерриториальная группа / Р. П. Сыденова // Этнологические исследования. – Улан-Удэ, 2000. – С. 94–109.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений / М. Н. Хангалов. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1960. – Т. 3. – 416 с.

Цыбикдоржиев Д. В. Ойраты до и после 1207 г. / Д. В. Цыбикдоржиев // Культурное наследие народов Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2012. – Вып. 3. – С. 120–148.

Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь / К. М. Черемисов. – М. : Сов. энцикл., 1973. – 803 с.

Шара туджи. Монгольская летопись XVII в. / Свод. текст, пер., введ. и прим. Н. П. Шастиной. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. – 199 с.

Эрдниев У. К. Калмыки. Историко-этнографические очерки / У. К. Эрдниев. – Элиста : Калм. кн. изд-во, 1980. – 284 с.

Historical Bargudzhin-Tocum as the Indigenous Homeland of the Buryat People

P. B. Kononov, D. V. Tsibikdorzhiev

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

Abstract. The article analyzes the historical processes of the Middle Ages in the Baikal region, which led to the formation of an ethno-cultural oecumene, named Bargudzhin-Tokum. It is a well-known in historical literature and folklore semi-legendary country in the north of the Mongolian metaethnic community, a future ethnic Buryatia. The folklore ethnic genealogy of the Buryat people goes back to Bargudzhin-Tokum. The eponym "Bargudai-Mergen", the name of the leader of the Bargu tribe, was erected as the head. The three descending branches of genealogy are marked by the epochs Buriadai, Khoridoi and Oledoi that personify the Bargu, Khori and Oled (Oirad) tribal components. Historical and chronicle data for substantiating the Buryat genealogy are found in ancient Turkic monuments of runic writing, Rashid ad-Din's "Collection of annals" and Mongolian historical works of the 13th–18th centuries. The following sources were used to determine the ethnic substratum of the future Bargudzhin-Tokum population: the text of the epitaph of Kul-tegin (Second Turkic Kaganate, VIII century), where the story of the Baiyrku tribe is told; the ancient Chinese historical source "Tan Shu", which refers to this same tribe under the name of Baiegu; Mongolian historical works, which tells of the Bargu tribe. In the "Secret Legend of the Mongols," the historical act of the marriage of the royal dynasty of the Mongols with the Khori-Tumat tribe through a woman from Bargudzhin-Tokum was imprinted. Such marriages continued afterwards and became a tradition. According to the custom of the Mongolian peoples, the parents and all the relatives of a married woman are designated by the term "төрхөм (Mongol.) and "түрхэм" (Buryat.), whose value, due to the great piety of the Mongols, was spread to the "Little Motherland" of the royal family. That is depicted, though in a slightly distorted form in the second part of the name Bargudzhin-Tokum. Therefore, we adhere to the etymology of this name, which means

"Land of Bargu relatives" or "Congenerous Bargudzhin". For the first time in the practice of studying Buryat genealogy, such attention was paid to systematizing of information about Oirat ethnicities and searching for new data to clarify the previously obscure third branch of the Buryat genealogy. In the records of the Buryat folklore, general Mongolian and Buryat annalistic writings, it was possible to find quite reliable material that allows us to give a new version of the explanation of the Oled branch, which can be defined as the Tulass-Segenut.

Keywords: Bargudzhin-Tokum, Bargu-Buryats, Khori-Buryats, Oirats, Zungars, Mongols, marital relationship, genetic relationship.

References

- Baldaev S. P. *Rodoslovnye predaniya i legendy buryat [Genealogies and legends of the Buryat]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1970, 363 p. (In Russ.)
- Baldanzhapov P. B. *Altan tobci. Mongolskaya letopis XVIII v. [Altan tobci. Mongolian chronicle of the XVIII century]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1970, 415 p. (In Russ.)
- Bertagaev T. A. Ob etimologii slov bargudzhin, bargut i tukum [About the etymology of words bargudzhin, bargut and tukum]. *Filologiya i istoriya mongolskikh narodov [Philology and History of Mongolian peoples]*. Moscow, 1958, pp. 173–174. (In Russ.)
- Bilegt L. K voprosu o dostovernosti rodoslovnoi Chingis-khana [To the question about the authenticity of the lineage of Genghis Khan]. *Arkheologiin sudlal [Archaeological study]*. Ulaanbaatar, 1995, Vol. 15, pp. 97–110. (In Russ.)
- Bichurin N. Ya. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena [Collection of information about the peoples inhabiting Central Asia in ancient times]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1950, Vol. 1, 471 p. (In Russ.)
- Cheremisov K. M. *Buryatsko-russkii slovar [Buryat-Russian dictionary]*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1973, 803 p. (In Buryat; In Russ.)
- Chimitdorzhiev Sh. B. (ed.). *Buryaadai tykkhe beshegyyd [Buryat Chronicles]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1992, 238 p. (In Buryat)
- Chimitdorzhiev Sh. B., Vanchikova Ts. P. (eds.). *Buryatskie letopisi [Buryat Chronicles]*. Ulan-Ude, 1995, 197 p. (In Russ.)
- Ekeev N. V. Etnonimy narodov Altae-Sayanskogo gornogo raiona [Ethnonyms of peoples of the Altai-Sayan mountainous area]. *Tov Aziin nyrdelchdiin ugsaa-soel, amdralyn khev mayag [Ethnogenesis, culture and way of life of nomadic peoples of Central Asia]*. Ulaanbaatar, 2006, pp. 136–149. (In Russ.)
- Erdniev U. K. *Kalmyki. Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Kalmyks. Historical and ethnographic essays]*. Elista, Kalmyk book publishers, 1980, 284 p. (In Russ.)
- Gongor D. *Khalkh tovchoon. Khalkh mongolchuudyn eveg deedes ba khalkhyn khaant uls. XIII–XVII zuun [A brief history of Khalkha. Khalkha and Mongolian tribes and Khalkha khanate. XIII–XVII centuries]*. Ulaanbaatar, 1970, Vol. 1, 340 p. (In Mongol)
- Khangalov M. N. *Sobranie sochinenii [Collected edition]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1960, Vol. 3, 416 p. (In Russ.)
- Konvalov P. B. Istoriko-arkheologicheskoe obosnovanie etnicheskoi genealogii buryatskogo naroda [Historical and archaeological justification for ethnic genealogy of the Buryat people]. *Vuzovskaya nauchnaya arkheologiya i etnologiya Severnoi Azii. Irkutskaya shkola 1918–1937 gg. [University research Archaeology and Ethnology of Northern Asia. Irkutsk school 1918–1937]*. Irkutsk, 2009, pp. 361–367. (In Russ.)
- Konvalov P. B. Etnicheskaya genealogiya i rodoplemennaya nomenklatura buryat v kontekste etnogeneza [Ethnic genealogy and tribal nomenclature of the Buryats in the context of ethnogenesis]. *Etnogenez i kulturogenez v Baikalskom regione (srednevekovie) [Ethnogenesis and cultural Genesis in the Baikal region (the Middle Ages)]*. Ulan-Ude, 2010, pp. 111–134. (In Russ.)

Kovalevskii O. M. O zabaikalskikh buryatakh [On the Transbaikalian Buryats]. *Kazanskii vestnik [Kazan Newsletter]*. 1929, Part 27, Book 11–12, pp. 160–164. (In Russ.)

Kozin S. A. *Sokrovennoe skazanie. Mongolskaya khronika 1240 g. Vvedenie v izuchenie pamyatnika, perevod, teksty, glossarii [Secret History. Mongolian chronicle of 1240. Introduction to the study of the monument, translations, texts, glossary]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1941, 619 p. (In Russ.)

Kozin S. A. (transl.) *Sokrovennoe skazanie mongolov [Secret history of the Mongols]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1990, 316 p. (In Buryat; In Russ.)

Lubsan Danzan. *Altan tobchi («Zolotoe skazanie») [Altan tobchi (“The Golden legend”)]*. Shastina N. P. (Transl. from Mongol., introduction, comm. and notes) *Pamyatniki pismennosti Vostoka; Vyp. 10 [The written monuments of the East; Is. 10]*. Moscow, Nauka Publ., 1973, 440 p. (In Russ.)

Luvsandendeв A. (ed.) *Mongol-oros tol. Mongolsko-russkii slovar [Mongol-oros tol. Mongolian-Russian dictionary]*. Moscow, State publishing house of foreign and national dictionaries, 1957, 715 p. (In Mongol; In Russ.)

Malov S. E. *Pamyatniki drevneturkskoi pismennosti. Teksty i issledovaniya [Monuments of Old Turkic writing. Texts and studies]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1951, 452 p. (In Russ.)

Nanzatov B. Z. *Etnogenez zapadnykh buryat (6–19 vv.) [The Ethnogenesis of the Western Buryats (6–19 centuries)]*. Irkutsk, Radian Publ., 2005, 159 p. (In Russ.)

Nyambuu Kh. *Mongolyn ugsaatny zui [Ethnography of Mongolia]*. Ulaanbaatar, 1990, 200 p. (In Mongol)

Ochir A. O proiskhozhdenii etnicheskikh nazvanii mongolov – bordzhigin, khatagin i tsoros [On the origin of ethnic names of the Mongols – bordzhigin, khatagin i tsoros]. *Mongolo-buryatskie etnonimy [Mongol-Buryat ethnonyms]*. Ulan-Ude, 1996, pp. 3–8. (In Russ.)

Potapov L. P. *Etnicheskii sostav i proiskhozhdenie altaitsev [The ethnic composition and origin of Altaians]*. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 196 p. (In Russ.)

Perlee Kh. *Mongolyn tuukhiin urd medegdeegui zarim on tsagiin medee [Information about some previously unknown historical dates in Mongolian history]*. Ulaanbaatar, 1956, 137 p. (In Mongol)

Rashid-ad-din. *Sbornik letopisei [A collection of Chronicles]*. Khetagurov L. A. (transl. from Mongol.), Semenov A. A. (ed., notes). Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1952a, Vol. 1, Book 1, 221 p. (In Russ.)

Rashid-ad-din. *Sbornik letopisei [A collection of Chronicles]*. Smirnova O. I. (transl. from Persian), Semevov A. A. (ed.). Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1952b, Vol. 1, Book 2, 774 p. (In Russ.)

Rumyantsev G. N. *Proiskhozhdenie khorinskikh buryat [The origin of the Khori Buryats]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1962, 265 p. (In Russ.)

Sanchirov V. P. «Iletkhel shastir» kak istochnik po istorii oiratov [“Iletkhel shastir” as a source for the history of the Oirats]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 137 p. (In Russ.)

Satlaev F. A. Etnicheskaya istoriya altaitsev srednevekovie [Ethnic history of the Altaians in the Middle Ages]. *Etnicheskaya istoriya narodov Yuzhnoi Sibiri i Tsentralnoi Azii [Ethnic history of the peoples of Southern Siberia and Central Asia]*. Novosibirsk, 1993, pp. 131–144. (In Russ.)

Shastina N. P. (consolid. text, transl., introd. and notes) *Shara tudzhi. Mongolskaya letopis XVII v. [Shara tudzhi. Mongolian chronicle of the XVII century]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1957, 199 p. (In Russ.)

Skrynnikova T. D. Etnotoponim Bargudzhin-Tokum [The Ethnotoponym Bargudzhin-Tokum]. *Istoriya i kultura narodov Tsentralnoi Azii [History and culture of the peoples of Central Asia]*. Ulan-Ude, 1993, pp. 41–49. (In Russ.)

Sydenova R. P. Nizhneudinskie buryaty kak etnoterritorialnaya gruppa [The Nizhneudinsk Buryats as ethnoterritorial group]. *Etnologicheskie issledovaniya [Ethnological research]*. Ulan-Ude, 2000, pp. 94–109. (In Russ.)

Tsybikdorzhiev D. V. Oiraty do i posle 1207 g. [The Oirats before and after 1207]. *Kulturnoe nasledie narodov Tsentralnoi Azii [The cultural heritage of peoples of Central Asia]*. Ulan-Ude, 2012, Is. 3, pp. 120–148. (In Russ.)

Zoriktuev B. R. *Aktualnye problemy etnicheskoi istorii mongolov i buryat [Actual problems of the ethnic history of the Mongols and Buryats]*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2011, 278 p. (In Russ.)

Коновалов Прокопий Батюрович

доктор исторических наук, профессор,
ведущий сотрудник
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
Россия, 670042, г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6
e-mail: konpb@yandex.ru

Konovlov Prokopii Batiurovich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Leading Researcher
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan
Studies SB RAS
6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russia
e-mail: konpb@yandex.ru

Цыбикдоржиев Дорж Владимирович

кандидат исторических наук,
научный сотрудник
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
Россия, 670042, г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6
e-mail: buriahai@gmail.com

Tsibikdorzhiev Dorzh Vladimirovich

Candidate of Sciences (History), Researcher
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan
Studies SB RAS
6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russia
e-mail: buriahai@gmail.com